

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.5>

UDC 94(47)“17/1917”
LBC 63/3(2)522

Submitted: 01.09.2019
Accepted: 13.12.2019

KULDJA UNDER RUSSIAN RULE: VIEW OF THE IMPERIAL ADMINISTRATION ¹

Dmitry V. Vasilyev

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the review of the situation in Kuldja in the first half of the Russian domination there (1871–1876). Modern Russian historiography does not know the works that would describe the real measures of the Russian administration in this part of Russian possessions in Central Asia. **Methods and materials.** The article analyzes the main source – a note by N.N. Pantusov with information about Kuldja District. Regulatory acts on Russian governance in the area are used as additional sources. The comparative and critical analysis of sources is of interest. **Analysis and Results.** The Russian administration immediately outlined its main tasks: ensuring safety of the population, maintaining a civilian traditional way of life and governance, and equal rights for all local peoples. Destroying everything unprofitable for both states (Russia and China), the Russian administration refrained from fundamental innovations. The analysis of the sources carried out in the article allows to conclude that the Russian presence in the Ili region was temporary and even nominal indeed. The dispensing of the most fundamental articles of the Statute on the Governing of the Semirechenskaya and Syrdarya Provinces of 1867 to this district indicates the intention to facilitate the management of the new territory. And all the innovations indicate the presence of two trends. One of them was to form an attractive image of the Russian government. Another trend was aimed at spreading of all-Russian institutions to the district. Both of these trends demonstrate the intention of the representatives of the local Russian administration to keep Kuldja within the Russian Empire. The main source was published during the period of discussing the need to return the Ili region to China. However, there is no reason to argue that it was created for public announcement.

Key words: Russian Empire, Kuldja, G.A. Kolpakovsky, N.N. Pantusov, Office for Kuldja Affairs, K.P. Kaufman.

Citation. Vasilyev D.V. Kuldja Under Russian Rule: View of the Imperial Administration. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 52-63. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.5>

УДК 94(47)“17/1917”
ББК 63/3(2)522

Дата поступления статьи: 01.09.2019
Дата принятия статьи: 13.12.2019

КУЛЬДЖА ПОД РОССИЙСКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ: ВЗГЛЯД ИМПЕРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ¹

Дмитрий Валентинович Васильев

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена обзору положения в Кульдже в первой половине господства там Российской империи (1871–1876). Современная российская историография не знает работ, в которых были бы описаны реальные мероприятия российской администрации в этой части российских владений в Центральной Азии. **Методы и материалы.** В статье анализируется главный источник – записка Н.Н. Пантусова со сведениями о Кульджинском районе. В качестве дополнительных источников привлекаются нормативные акты о российском управлении в районе. Интерес представляют сравнительный и критический анализ источников. **Анализ и результаты.** Главными задачами местной российской администрации были сразу объявлены обеспечение безопасности населения, сохранение гражданского традиционного уклада и управления, равноправие всех местных народов. Уничтожая все вредное для обоих государств (России и Китая), российская администрация воздерживалась от принципиальных нововведений. Осуществленный в статье

анализ источников позволяет сделать вывод о том, что российское присутствие в Илийском крае действительно носило временный и даже номинальный характер. Распространение на этот район наиболее принципиальных статей проекта Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей 1867 г. свидетельствует о намерении облегчить управление новой территорией. А все нововведения свидетельствуют о наличии двух тенденций. Одна из них заключалась в формировании привлекательного образа российской власти. Другая тенденция была направлена на распространение на край общероссийских институтов. Обе эти тенденции можно рассматривать как намерение представителей местной российской администрации сохранить Кульджу в составе Российской империи. Основным источником был опубликован в период обсуждения в обществе вопроса о необходимости возвращения Илийского края Китаю. Однако нет оснований утверждать, что он был создан для публичного оглашения.

Ключевые слова: Российская империя, Кульджа, Г.А. Колпаковский, Н.Н. Пантусов, канцелярия по кульджинским делам, К.П. Кауфман.

Цитирование. Васильев Д. В. Кульджа под российским владычеством: взгляд имперской администрации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 52–63. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.5>

Введение. Юго-восточные окраины Российской империи и, в частности, Туркестанский край отличались значительным административным своеобразием. Границы последнего то и дело меняли в силу различных обстоятельств, и сегодня трудно себе представить, как удавалось краевым чиновникам разобрататься в местных особенностях областей и особых территорий, чтобы обеспечить более-менее слаженное функционирование непростого административного организма. Особняком в числе административно-территориальных единиц Туркестанского генерал-губернаторства стоит Кульджинский район, вошедший в состав края в 1871 г. и находившийся под российским владычеством всего лишь до 1881 года. Временный статус территории определил и особый статус ее в составе Российской империи. Развитию кульджинских земель под российским владычеством посвящена предлагаемая статья.

Методы и материалы. Российскому периоду в истории Илийского края (Кульджинского района) в современной отечественной науке уделяется незаслуженно мало внимания. Своеобразный статус этой территории рассмотрен сибирскими исследователями [4; 5; 8]. Лишь в самое последнее время появились работы, пытающиеся определить место этой территории в составе гетерогенного пространства империи [1, с. 348–361; 9–11]. В этих трудах в основном отражен статус района в составе нового государства и декларированные принципы и нормы его администрации. Вне поля зрения остались реальное положение вещей в Кульдже и те изме-

нения, которые происходили в ней в период российского господства. К тому же всегда интересно посмотреть, насколько заявленные правительством цели и принципы воплощались в реальную жизнь.

В центре внимания настоящей статьи лежат два документа – оригинальный текст и печатный вариант записки ответственного за кульджинские дела чиновника семиреченской областной администрации. Ниже приведен критический анализ документа, проведено его сопоставление с региональными административными актами, что, безусловно, позволяет приблизиться к пониманию кульджинских реалий периода существования района в составе Российской империи.

Анализ. В начале 1877 г. в аппарате семиреченского военного губернатора была подготовлена записка, подводившая итог пятилетию российского присутствия в Кульджинском крае [6, л. 1–202 об.], опубликованная с незначительными изменениями в 1881 году [7]. Документ этот, составленный правителем канцелярии по кульджинским делам при военном губернаторе Семиреченской области Н.Н. Пантусовым, начинается с констатации причины установления российского господства над регионом: «Причиной занятия Илийской долины была постоянная враждебность кульджинского правительства, стеснение им нашей торговли и допущение со стороны его подданных грабежей и баранты в нашей пограничной полосе» [7, с. 1]. Интересно, что печатный вариант записки, увидевшей свет в год возвращения Кульджи Китаю, содержал дополнение о том, что «...постоянная враждебность куль-

джинского правительства...» накануне занятия края русскими вышла из пределов терпимости. Наверняка редакторы сочли это уточнение уместным, дабы подчеркнуть вынужденность такого шага со стороны Российской империи. Не исключено, что широкая публикация материалов о состоянии Илийского края под российским владычеством должна была сыграть некую роль в дискуссии о возможности (и условиях) возвращения Кульджи Цинской империи. Именно в последнем убеждает читателя перешедшее из рукописи в печатный вариант рассуждение о возможности закрепления района за русскими [7, с. 2]. А рукописный текст записки Н. Пантусова с самого начала (и далее во многих местах) дословно повторяет Инструкцию начальникам участков Кульджинского района, утвержденную туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом 25 апреля 1872 года [3, л. 77–90 об.].

Заявляя далее о неопределенности статуса этой территории, Н. Пантусов утверждал, что в ее пределах не допускается никаких мероприятий, направленных на удержание Кульджи за Россией. Отсюда вытекали и главные задачи местной российской администрации: 1) обеспечение порядка, личной и имущественной безопасности населения; 2) максимально возможное сохранение гражданского уклада и управления в том виде, в каком их застали российские власти, во избежание осуществления реформ, «...которые могли бы отмениться китайским правительством в случае перехода края под власть последнего, и также чтобы не связать свободы наших действий в случае присоединения края к нашим владениям»; 3) установление равноправия для всех населяющих край народов, которое способствовало бы утверждению здесь китайского господства или закреплению долины за Российской империей. Поэтому, по мнению правителя кульджинской канцелярии, российская администрация в долине Или выполняла роль наблюдателя и посредника между местными народностями. Уничтожая все вредное для обоих государств (России и Китая), она воздерживалась от каких-либо серьезных нововведений [7, с. 1–2]. Здесь Н. Пантусов повторил § 2–3 названной выше инструкции [3, л. 77–77 об.].

Общее управление Кульджинским районом осуществлял военный губернатор Семи-

реченской области посредством специально учрежденной при нем небольшой канцелярии по кульджинским делам в составе правителя канцелярии, делопроизводителя, вольнонаемных писцов и переводчиков.

Во главе участков (первоначально четырех, а в конце двух), на которые делился Кульджинский район, стояли участковые управления в лицах участковых начальников, которые непосредственно подчинялись семиреченскому военному губернатору и пользовались правами уездных начальников Туркестанского края с некоторыми изменениями, о которых речь пойдет ниже. В Илийском крае на участковом уровне было осуществлено разделение гражданской и военной властей. Однако для полицейской службы в распоряжении участковых начальников состояло определенное число казаков [7, с. 6].

Главной обязанностью начальников участков было обеспечение порядка и безопасности в регионе, так как «...только этим путем вполне оправдывается занятие нами страны и положится прочное основание нашему в ней влиянию даже в будущем, в случае отдачи ее китайцам» [7, с. 2; 3, л. 78 об.]. Этот порядок участковые начальники осуществляли путем надзора за местным населением как лично, так и через народных управителей, а также преследуя нарушителей спокойствия, личных и имущественных прав.

Особо упорных в антиправительственной деятельности местных жителей участковые начальники имели право по специальному распоряжению военного губернатора высылать за пределы края. При этом документ обращает внимание, что эта мера осуществлялась редко и «...крайне осторожно, дабы не возбудить в населении справедливого недовольства напрасной подозрительностью и не заставить терпеть людей невинных». А вот в отношении упорствующих в грабежах и нарушении безопасности «племен» с разрешения военного губернатора дозволялось применять имущественные штрафы [3, л. 78 об.–79; 7, с. 3]. Обо всех арестах и заключениях под стражу участковые начальники обязаны были незамедлительно сообщать военному губернатору, исчерпывая мотивировку свое решение [7, с. 4–5].

Для подавления политических беспорядков и серьезных «ослушаний» русской власти

участковые начальники могли привлекать не только казачьи подразделения, но и регулярные войска. Они имели право указать место, время и способ употребления военной силы, но не должны были вмешиваться непосредственно в военные действия, признавая здесь прерогативу заведующего войсками района [3, л. 79; 7, с. 3].

На участковых начальниках лежало наблюдение за скорым и эффективным функционированием народных судов. По преступлениям же, подлежащим имперскому суду, участковый начальник проводил дознание и следствие, руководствуясь при этом правилами, установленными для судебных следователей. Последняя функция, однако, со временем была передана специально учрежденному судебному следователю. После завершения следствия дела направлялись военному губернатору для передачи в военно-судные комиссии.

С упразднением должности судебного следователя в Кульджинском районе была введена должность мирового судьи. А до тех пор участковые начальники разбирали дела между российскими подданными и местными жителями по правилам, установленным для судей проектом Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях 1867 г., с тем исключением, что в Кульджинском районе обязательными признавались лишь существенные формы судопроизводства, а решения участковых начальников, за исключением случаев неподсудности, признавались окончательными [3, л. 80–80 об.; 7, с. 3–4]. По наиболее важным делам компетенции народного суда участковый начальник мог взять на себя председательство в процессе, но только по просьбе одной из сторон (так называемый смешанный суд) [7, с. 4–5].

Докладывая о положении российской администрации в Илийском крае, Н. Пантусов, вслед за указанной инструкцией, констатировал: «Русская власть в Кульдже старается придерживаться начала строжайшего невмешательства в сферы существующего в настоящее время у различных племен населения обычного гражданского права (семейные и имущественные юридические отношения), забываясь лишь о поддержании гражданской равноправности между народностями, о не возобновлении рабства и о развитии свободы

личности и экономического благосостояния населения...» [3, л. 81; 7, с. 5]. При этом кроме председательства в смешанном суде уездные начальники имели право вершить суд между российскими подданными, а также между ними и представителями коренного населения на правах уездных судей, не запрещая при этом последним сторонам в случае обоюдного согласия обращаться в народный суд.

На участковых начальников было возложено попечение о развитии земледелия, промыслов и торговли в крае. Что же касается земского хозяйства, то рассматриваемый документ высказался об этом весьма неопределенно, из чего можно заключить, что земских учреждений в Кульджинском крае не существовало, но представители российской администрации считали желательным, а может быть и необходимым, их учреждение: «По отношению к земским учреждениям участковые начальники обязаны руководствоваться тем соображением, что обогащение народа есть главная цель управления, а в народе, всегда стоявшем под опекой администрации, всякое стремление к улучшению будет гложуть бессильной попыткой отдельного лица, если не будет находить средоточия в особом органе власти, и что дело администрации дать народу средства познать свои нужды и возможность правильно удовлетворять таковые, руководя народом во всем этом, но избегая большого вмешательства в народное хозяйство» [7, с. 5]. Что же касается имуществ, бывших при занятии края казенными, то участковые начальники обязаны были их использовать максимально эффективно, отдавая в оброчное содержание с торгов или иными приемлемыми способами [7, с. 6]. И это тоже дословно совпадает с инструкцией 1872 года [3, л. 89].

Участковым начальникам было рекомендовано «...избегать всякой излишней переписки, в особенности с народными управителями, отдавая последним преимущественно словесные указания» [3, л. 90; 7, с. 6].

Вполне очевидно, что записка Н.Н. Пантусова во многих местах практически дословно (а иной раз и дословно) цитирует инструкцию 1872 г. во многом, за исключением отдельных деталей и статей о земских учреж-

дениях, повторившую Инструкцию начальникам участков Кульджинского района, изданную сразу же после занятия края российскими войсками [2, л. 33–53 об.]. А это, в свою очередь, затрудняет нас в определении того, в какой степени на практике реализовывалось то, что задумывалось властями.

Однако в части информирования о состоянии народного управления – первичной администрации многонационального коренного населения Илийского края, представляется, содержатся довольно интересные сведения. Действовавшая инструкция 1872 г. говорит о том, что «как бывшие еще до антикитайского восстания, так и вновь избранные начальники племен, старшины, аксакалы, волостные и прочие представители первичной администрации должны были утверждаться в должностях и увольняться распоряжением военного губернатора» [1, с. 354]. И записка Н. Пантусова свидетельствует о том, что эти лица остались на своих местах, получив вышестоящую санкцию, дословно подтверждая предписанную инструкцией норму: «Назначенные до восстания китайцами родовые начальники сохраняют и теперь свою власть над подведомственными им туземцами. На этом основании укурдаи, ильгидаи и зянги у сибо, арбун-сумун, чахар-калмыков и дурбун-сумун, а также бейле, бейсе, гунн, джасаки, зянги и др. чины у торгоутов удержаны в своих званиях, правах и обязанностях. У таранчей, китайцев и дунганов назначение старшины и трех в каждом кенте или городе судей представлено избранию народа чрез выборных от каждой сотни дворов; тем же порядком киргизы производят избрание биев в каждой волости, но волостные управители назначаются военным губернатором. Той же властью утверждаются в своих должностях как прежние начальники племен (укурдаи, ильгидаи и высшие чины торгоутов), так и избранные на должности старшин кентов и городов, и от оных могут быть удаляемы и увольняемы только по распоряжению военного губернатора» [3, л. 82–82 об.; 7, с. 6–7].

Далее, практически дословно цитируя вышеупомянутую инструкцию, Н. Пантусов указывает, что права и обязанности представителей первичной администрации «...определены в отношении к подчиненным соответ-

ствующими обычаями, насколько последние не противоречат упоминаемым в настоящей главе взглядам русского правительства²; в тех же случаях, где указаний обычая не встречается, и в отношениях к русским властям, народные управители пользуются правами и несут обязанности, присвоенные волостным управителям по проекту Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» 1867 года [7, с. 7].

Правами аульных старшин, как это было установлено в проекте Положения 1867 г., наделялись сохранявшиеся у калмыков и сибозянги, а также вновь избранные сотники (у мусульман – юзбаши) в кентах, городах и волостях [3, л. 83 об.–84; 7, с. 7].

Что же касается народного суда, то подсудность ему вполне соответствовала проекту туркестанского положения 1867 года. При этом по решениям единоличных народных судей допускалась апелляция в собрания судей кента, города или рода. Наказания же, невозможные «...при господстве в крае цивилизованной власти», не допускались. Споры и иски между представителями разных народностей рассматривались смешанными судами, а в Кульдже ежемесячно собирался съезд судей [7, с. 8].

Кроме канцелярии по кульджинским делам при военном губернаторе Семиреченской области и управлений 1-го и 2-го участков, на которые делился Кульджинский район, во второй половине 1873 г. в Кульдже была учреждена касса в составе кассира, писца, присяжного, счетовода и переводчика, к которым во второй половине 1876 г. добавился бухгалтер в связи с распространением на этот край общего Положения о пошлинах на право торговли и промыслов. С 1875 г. круг обязанностей участковых начальников расширился за счет добавления им функций нотариусов (на правах мировых судей), аналогично проекту Положения 1867 г. (§ 152). Тогда же в управлении участковых начальников добавилось по одному письмоводителю. С целью оптимизации административной системы количество участков, как об этом упоминалось выше, было сокращено сначала до трех (1874), а затем до двух (1876), что привело к увеличению штатов оставшихся управлений на одну единицу. В 1876 г. последовало распоряжение

туркестанского генерал-губернатора о разделении судебной и административной властей на уровне участковых начальников: вместо должности судебного следователя была введена должность судьи Кульджинского района. В 1873 г. был изменен подход к организации полицейской части районного центра. Вместо штата полицейских агентов из таранчей (которые весьма одиозно воспринимались на фоне многонационального анклава) в помощь участковому начальнику, по-прежнему оставшемуся во главе полицейской власти в городе, был дан особый офицер (городничий г. Кульджи), а также четыре полицейских агента из местных жителей. Для исполнения обязанностей нижних полицейских чинов командировались 2 унтер-офицера и 6 рядовых от войск. Ночное патрулирование осуществляли специально направляемые 1 урядник и 6 казаков (конные) и 1 унтер-офицер и 6 рядовых (пешие). Со второй половины 1876 г. функции полицейского офицера стал исполнять помощник начальника северного участка Кульджинского района с наименованием его заведующим полицейской частью г. Кульджи [7, с. 80–84].

Н.Н. Пантусов приводит весьма интересные сведения о составе населения на 1876 год. Самыми многочисленными были таранчи (51 891), казахи (33 828), сибо (18 318) и калмыки с торгоутами (15 940). Значительно меньше числилось дунган (4 031), китайцев (2 847) и солонов (767). 2 086 человек не были отнесены к этим официальным «сословиям». По утверждению Н. Пантусова, это были торгующие сарты. Российских подданных насчитывалось всего 2 022 человек, из которых дворян потомственных – 38, личных дворян – 82, белого духовенства – 5, купцов – 31, 133 мещанина, 31 крестьянин, 1 706 человек в войске, 74 нижних чинов в отставке с семьями, 102 казака. Общее число оседлых жителей края было определено в 82 142 человека, в то время как кочевое составляло 49 768 человек. Религиозный состав кульджинского населения выглядел следующим образом: 2 025 православных, 237 католиков, 7 протестантов, 9 иудеев, 91 836 мусульман «...и 37 796 душ язычников», то есть буддистов. В числе католиков были посчитаны 90 исповедующих христианство китайцев, которые приняли новую веру под влиянием не-

когда бывших здесь французских миссионеров [7, с. 9].

Автор записки подчеркивает благоприятные условия для развития в крае земледелия вообще и огородничества в частности, что составляет основу народного благосостояния. Причем российское владычество способствовало росту разнообразия культивируемых растений. Засушливый климат обусловил развитие здесь ирригации, которая позволяет вывозить хлеб и рис в соседние районы Китая и Туркестанского края. К вопросу землеведения российская власть относилась осторожно, не допуская в районе совершения купчих крепостей [7, с. 12–15].

Что касается скотоводства, то, по сведениям Н. Пантусова, Кульджинский район располагал прекрасной кормовой базой. Крупный рогатый скот здесь выполнял тягловую функцию, а мелкий ничем не отличался от Туркестанского края. Лошади напоминали семиреченских. А свиней разводили только сибо, буддизм которых не запрещает использование их в пищу. Наконец, местные жители разводили домашнюю птицу [7, с. 15–18].

Недостаток у местного населения знаний, предприимчивости и капиталов обусловили слабое развитие здесь кустарного производства. Помочь в его подъеме не могли и российские промышленники, которые не стремились инвестировать местное производство. Так, небольшая часть населения занималась садоводством и виноградарством, продукты которого также шли в соседние пределы. Правильной организации садоводства, виноградарства и табаководства должен был содействовать Борохудзирский казенный городской сад, созданный по инициативе военного губернатора Семиречья Г.А. Колпаковского. Ремеслами в районе занималось совсем незначительное число населения, а результаты их труда почти исключительно находили сбыт в г. Кульдже и окрестностях. Таким же мизерным был охотничий и рыболовный промысел. Самым распространенным занятием населения был извоз, в котором было занято до 3 000 человек и до 8 000 голов скота. Опять же по инициативе российских властей в 1873 г. было положено начало культивации шелкопряда. В следующем году в самой Кульдже по распоряжению генерал-лейтенанта Колпаков-

ского была открыта червоводня, а в 1876 г. – небольшая шелкомотальня. Тогда же из Верного и Ташкента в Кульджу прибыли три специалиста по разведению шелкопряда. С 1874 г. в районе начались работы по акклиматизации американского хлопчатника, значительную помощь в которых оказал специально командированный ученый садовод А.М. Фетисов. Местные китайцы и солоны выращивали опиный мак [7, с. 18–27].

Хотя во всем районе в 1876 г. насчитывалось 568 мельниц, 223 маслобойни, 4 пшечубумажных, 5 чугунолитейных, 3 гончарных, 4 красильных и еще несколько десятков кустарных заведений, их производственный уровень глава кульджинской канцелярии характеризовал как примитивный, параллельно отмечая, что «упадка в производительности заводов и прочих промышленных заведений в течение нашего управления краем не было» [7, с. 28–29]. Столь же бесхитростным был и способ добычи каменного угля, хотя эта отрасль пользовалась в крае известной популярностью [7, с. 29–30].

Местная торговля была сосредоточена в центре Илийского края – городе Кульдже. И если местная торговля вследствие низкого развития производительных сил и недавно пережитых масштабных беспорядков была развита слабо, то внешняя и транзитная отличались в лучшую сторону, хотя полному развитию их мешали грабежи караванов, являвшиеся следствием постоянной напряженности в регионе [7, с. 30–35].

Отменив все прежние сборы и подати с местного населения, российская администрация заменила их посемейной (подворной) податью у оседлого населения и кибиточной – у кочевого, определив обе в размере 3 рублей. Принимая во внимание состоятельность местных жителей, туркестанский генерал-губернатор сократил ее у населения отдельных местностей до 2 и 1,5 рублей [7, с. 35].

Напомним, что упомянутая выше Инструкция начальникам участков Кульджинского района, разработанная под руководством Г.А. Колпаковского в 1871 г., была через год изменена К.П. Кауфманом из-за неперменного желания последнего организовать в крае земские учреждения. Из записки же Н. Пантусова следует, что никаких земских органов

в Илийском крае создано не было. Более того, инструкция 1872 г. относилась к повинностям населения исключительно содержание почтового тракта и проселочных дорог, поставку в военное время подвод и в наряде людей для караульной службы при перемещении арестантов [3, л. 87]. А вот на деле вся эта игра в земские свободы обернулась определением главной туркестанской администрацией земского сбора в размере 20 % от установленных податей и направлением полученных средств по усмотрению администрации, в том числе на возведение построек военного назначения [7, с. 37].

Что же касается городских сумм г. Кульджи, то с 1875 г. к сбору арендной платы с лавок, караван-сараев и кустарных заведений добавились торговые, промысловые и нотариальные пошлины (на общеимперском основании) [7, с. 38]. В 1876 г. доход городских сумм составил 22 705,60 руб., а расход (на содержание больницы, городской полиции и тюрьмы, русско-таранчинско-китайской народной школы, на жалованье китайскому волостному старшине и заведующему строительной частью в г. Кульдже, на содержание городских садов и ремонт здания почтового отделения, на ремонт дома начальника северного участка района и народного суда, а также дома, занятого кульджинской повивальной бабкой, на содержание шелководов, областного чертежника и канцелярские расходы) – 21 432,64 рублей. При этом более десятой части этой суммы ушло на ремонт дома канцелярии военного губернатора по кульджинским делам, архива и служб, а также на устройство при нем сада [7, с. 39–41].

Здесь следует добавить, что отсутствие в Кульдже акцизного надзора вывело район из-под акцизных сборов на виноторговлю. Не дожидаясь соответствующего решения министров военного и финансов, туркестанский губернатор собственной властью распорядился взимать соответствующий сбор в пределах Кульджинского района ради усиления местных доходов, необходимых на компенсацию растущих издержек администрации [7, с. 41–42]. Беглый обзор состояния податного хозяйства убеждает, что российская власть в Кульдже не только столкнулась с новой для себя реальностью, показавшей неприменимость к

местным условиям уже отработанных туркестанских и степных шаблонов, но и оказалась зажатой в рамки как необходимостью жесткой экономии из-за слабости финансового потока из центра, так и сложностью оперирования многонациональным населением, концентрированным в довольно ограниченном территориальном пространстве.

Казенные здания в Кульдже были заняты воинскими подразделениями или административными службами. В 1877 г. было завершено возведение в административном центре края православного храма Александра Невского из жженого кирпича стоимостью в 7 803,85 руб., которые были отнесены на доходы с Кульджинского района [7, с. 46].

Останавливаясь на состоянии путей сообщения, Н. Пантусов приводит интересный пример. Одна из переправ через р. Или с 1871 и до середины 1873 г. содержалась купцом Кузнецовым, взимавшим плату с проезжавших и проходивших. «Во второй половине 1873 года купец Кузнецов заявил, что так как до взятия им илийской переправы в содержание ею пользовались жители туземцы, и она приносила им немалую пользу, то, не желая лишать их дохода, просил снять с него обязанность содержания переправы». Трудно сказать, чем на самом деле руководствовался русский торговец, но военный губернатор области передал содержание переправы местному населению, которое после небывалого половодья 1876 г. решило построить новый паром и возвести мост, на что изъявило желание собрать добровольно 800 руб., что и было утверждено Г.А. Колпаковским [7, с. 49]. Сегодня трудно сказать, насколько добровольным было это решение жителей южного участка Кульджинского района, но в любом случае оно косвенно свидетельствует о формировании у местного населения представлений о земских интересах.

Российская администрация учредила в Илийском крае 13 почтовых станций с 39 парами почтовых и 13 парами земских лошадей [7, с. 50].

Характеризуя нравственное состояние местного общества, Н. Пантусов назвал самоуправство, кражи и грабежи обыкновенными и повседневными явлениями, утвердившимися в районе в период китайского и таран-

чинского правления. С приходом русских жестокие наказания за кражи (отсечение руки, битье палками по пяткам и др.) были отменены. Это спровоцировало рост преступлений, значительно сократившихся в первые месяцы после появления в районе русских. «Так постепенно, видя мягкость русских уголовных наказаний и медленность нашего судопроизводства, уже в 1871 г. воровы и грабители начали действовать смелее, а в 1873 г. похищения и насильственные угоны скота сделались чрезвычайно часты и дерзки на всех окраинах Кульджинского района». Российские администраторы нашли выход в ссылке в Сибирь за кражи со взломом и в предании полемому уголовному суду за разбои и кражи, совершенные в дневное время или с применением насилия [7, с. 52–53].

Останавливаясь на состоянии народного суда у казахов, чиновник отметил, что за период с 1871 по 1877 г. в Кульджинском районе состоялось всего 4 съезда биев для разбора исков между казахами разных местностей, а также между казахами и калмыками. Что же касается преступлений вообще, то за шесть лет с 1871 по 1876 г. в крае было зафиксировано 10 преступлений по должности, 14 покушений на самоубийство, 63 убийства, 1 548 краж, 337 захватов чужой собственности, 146 фактов мошенничества, 53 грабежа, 9 случаев барымты, 19 нарушений правил торговли, по 1 поджогу, святотатству и изготовлению фальшивой монеты, 925 уклонений от уплаты долга, 30 фактов нанесения тяжких побоев, 6 случаев бродяжничества, 11 подкопов, 363 брачных дела и 106 неисполнений приказаний власти [7, с. 54, 57].

Благоприятные климатические условия не создавали предпосылок для заболеваний, вызванных санитарно-гигиеническими условиями. Тем не менее в районе существовали один полугоспиталь (созданный на базе первого кульджинского лазарета), городская больница, два приемных покоя и два околотка. Их обслуживали три врача. Аптек со свободной продажей лекарств не было ни одной. Большинство заболевших лечились амбулаторно и получали бесплатно лекарства. Со временем представители коренного населения стали с доверием относиться к российской медицине и не избегали помощи медицинских работни-

ков. Особую заботу российская власть проявила в борьбе с венерическими заболеваниями жителей южного участка и противодействию распространению оспы. Число оспопрививателей в районе увеличилось до 30, а только в 1876 г. был привит 5 791 ребенок [7, с. 60–65].

Приютов и благотворительных обществ в Кульджинском районе не существовало.

6 февраля 1873 г. в Кульдже открылось первое и единственное русское учебное заведение – русско-китайско-таранчинская школа, цель учреждения которой состояла в том, «...чтобы познакомить туземцев с русским языком и грамотой и дать им элементарные познания в арифметике и естественной истории и в то же время предоставить возможность проживающим в г. Кульдже русским к обучению детей своих грамоте». Начав с 26 таранчинских мальчиков, школа закончила 1875 г. лишь одним (!) [7, с. 72–73]. Причины этого очевидны. Отвернувшись от школы вскоре после ее открытия, районная администрация позволила местным обществам отказаться от поддержки направленных ими в школу учеников. В начале января 1876 г. семиреченский военный губернатор потребовал от кульджинских чиновников подвинуть первичную администрацию местного населения к созданию специального капитала для материальной поддержки детей бедных таранчей, обучающихся в школе. В качестве альтернативной меры было предложено набирать в это учебное заведение 20–25 мальчиков состоятельных родителей, которых обучение не особо стесняло в средствах. В 1874 г., когда для школы было построено специальное здание, в нее были приняты первые 6 девочек. И уже через два года в ней обучалось уже 27 мальчиков и 12 девочек [7, с. 73–75].

Что касается традиционного образования, то к 1876 г. в районе насчитывалось 266 мусульманских школ, 66 калмыцких, 3 китайские и 8 сибоских. Всего в них обучалось 5 287 детей (в 1871 г. – 3 201), а число девочек в мусульманских школах (в другие их не брали) за пять лет возросло с 235 до 1 274 [7, с. 76–77]. Эти учебные заведения имели культурную направленность и содержались за счет родителей учащихся. Рост числа мусульманских школ, безусловно, свидетельствует о лояльном отношении российской администрации

к местному исламу. Из библиотек в крае была лишь одна – у 10 линейного Туркестанского батальона.

Как и предписывала инструкция начальникам уездов, всем народностям Кульджинского района были обеспечены равные права. В отношении ислама здесь, как и в Туркестанском крае вообще, практиковалась тактика игнорирования, подразумевавшая при этом «...неусыпное наблюдение за приемами и средствами мусульманской пропаганды...». В отношении дунган русская власть стремилась уничтожить все следы предыдущего господства таранчей, оберегая их от попадания под власть мусульманского влияния. Что же касается буддизма и других верований, распространенных в китайских пределах, то здесь российские чиновники придерживались иной линии: «Не высказывая явно к этим учениям пристрастия, начальствующие лица, однако, оказывают материальную и нравственную поддержку в смысле более или менее полного восстановления их прежнего положения и средств. Не лишним почитается поддержка и развитие китайской письменности, ибо безинтеллигентное начало не может рано или поздно не поддаться направлению, принятому интеллигенцией (мусульманской)» [7, с. 79–80].

Закончил свою записку Н.Н. Пантусов следующими словами, которые, вполне естественно, не могли быть растиражированы в то время, когда обязательное возвращение Кульджи Китаю еще не виделось очевидным для всех: «Кульджинский район доселе находится во временном заведывании русского правительства, и ввиду существующего уже вопроса касательно передачи края сего в ведение китайского правительства никаких видов и предположений на будущее время о нуждах края здесь не формулируется, ибо заботы сего рода должны будут относиться к обязанностям будущей администрации» [6, л. 31].

Результаты. Рассмотренный документ позволяет прийти к заключению, что реальное положение российской администрации в Кульджинском районе мало отличалось от того, каким оно мыслилось семиреченскими чиновниками в период формулирования ими основных норм и принципов управления вновь

занятым краем. Не будем сбрасывать со счетов, что как представитель региональной власти Н.Н. Пантусов мог где-то приукрасить действительность и приблизить ее к искомым параметрам. Однако приводимые им статистические сведения убеждают, что российское присутствие в Илийском крае действительно носило временный и даже, можно сказать, во многом номинальный характер: количество российских чинов администрации было сведено до минимума, местная первичная администрация фактически не претерпела изменений и лишь была подчинена участковым начальникам, земские органы (как и предрекал в свое время Г.А. Колпаковский) не были созданы, новой системы просвещения создано не было, народный суд во многом сохранил свое прежнее значение.

Распространение на Кульджинский район наиболее принципиальных статей проекта Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей 1867 г. свидетельствует в первую очередь о намерении облегчить управление новой территорией, введя ее на правах уезда в состав Семиреченской области. Те же нововведения, которые стала реализовывать российская администрация в Илийском крае со второй половины 1870-х гг., безусловно, свидетельствуют о наличии двух тенденций. Одна из них заключалась в формировании привлекательного образа российской власти. И здесь – толерантность в религиозном отношении и поддержание буддизма, поощрение торговли и промыслов (распространение новых сортов хлопчатника и способов садоводства и выведения шелковичного червя), современных форм земского хозяйства, оптимизация налоговой системы применительно к населению с разным уровнем жизни. Другая же тенденция была направлена на распространение на край общероссийских институтов – нотариата, положения о торговых и промысловых сборах, принципов организации полицейских органов и судопроизводства по российским законам. Обе эти тенденции, реализовавшиеся по инициативе областной и краевой администраций, свидетельствуют о том, что местные представители российской власти все-таки надеялись оставить Кульджу в составе Российской империи.

Петербург же во все это не вмешивался, справедливо рассчитывая, что возвращение Китаю дружественного России населения станет своего рода залогом мирного приграничного взаимодействия.

Можно было бы согласиться с мнением Р.Ю. Почекаева о том, что «...говорить о какой-то совершенно уникальной ситуации административного управления в Илийском крае не приходится...», ибо «...аналогичная политика реализовывалась российскими пограничными властями и в других пограничных регионах Центральной Азии...» [9, с. 539], если бы не чрезвычайная многонациональность относительно небольшого региона, вынуждавшая власти к большим компромиссам и формированию некоего подобия региональной национальной политики [1, с. 355–356], игнорирование земских учреждений (и фактический отказ от их учреждения) и почти полное отсутствие внятной пропаганды российских цивилизационных ценностей. Конечно, в значительной мере это определялось временным характером занятия края. Но именно в этом и состоит уникальность административно-политической ситуации в Кульдже периода российского господства.

Вспомним, что рассмотренный документ был опубликован в период обсуждения в обществе вопроса о необходимости возвращения Илийского края Китаю. Можно было бы предположить, что его появление и было обусловлено необходимостью в демонстрации широкому читателю достижений российской власти в Кульджинском районе. Однако четырехлетний срок между появлением записки правителя канцелярии по кульджинским делам и ее публикацией заставляет в этом сомневаться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00162) implemented at the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

² В инструкции 1872 г.: «...не противоречат настоящей инструкции» [3, л. 83].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев, Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. / Д. В. Васильев. – М. : Полит. энцикл., 2018. – 638 с.
2. Инструкция начальникам участков Кульджинского района. 1871 // Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). – Ф. И-1. – Оп. 27. – Д. 744. – Л. 33–53 об.
3. Инструкция начальникам участков Кульджинского района. 1872 // ЦГА РУз. – Ф. И-1. – Оп. 27. – Д. 744. – Л. 77–90 об.
4. Моисеев, В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / В. А. Моисеев. – Барнаул : Азбука, 2003. – 345 с.
5. Моисеев, С. В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэйтишар (1864–1877 гг.) / С. В. Моисеев. – Барнаул : Азбука, 2006. – 200 с.
6. Пантусов, Н. Н. Сведения об управлении Кульджинским районом за 1871–1876 годы / Н. Н. Пантусов // Российский государственный исторический архив. – Ф. 1284. – Оп. 190. – Д. 394. – Л. 1–202.
7. Пантусов, Н. Н. Сведения о Кульджинском районе за 1871–1877 годы / Н. Н. Пантусов. – Казань : Унив. тип., 1881. – 226 с.
8. Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в. / И. В. Анисимова, В. А. Бармин, И. Б. Бочкарева [и др.]. – Барнаул : Азбука, 2014. – 458 с.
9. Почекаев, Р. Ю. Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг.: между традициями и фронтальной модернизацией / Р. Ю. Почекаев // Общество и государство в Китае. – 2016. – Т. 46, № 2. – С. 531–542.
10. Почекаев, Р. Ю. Особенности правового положения Илийского края в 1760–1860-е гг. / Р. Ю. Почекаев // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 20, № 4 (181). – С. 152–166.
11. Почекаев, Р. Ю. Проблемы статуса российских подданных в Кульдже после ее возвращения Китаю (1881 г.) / Р. Ю. Почекаев // Общество и государство в Китае. – 2018. – Т. 48, № 2. – С. 126–134.

REFERENCES

1. Vasilyev D.V. *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentralnoy Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The Burden of the Empire. Administrative Policy of Russia in Central Asia. The Second Half of the 19th Century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. 638 p.
2. Instruksiya nachalnikam uchastkov Kuldzhinskogo rayona. 1871 [Regulations to the Heads

of Sections of the Kuldja District. 1871]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Uzbekistan (TsGA RUz)* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-1, inv. 27, d. 744, l. 33-53 r.

3. Instruksiya nachalnikam uchastkov Kuldzhinskogo rayona. 1872 [Regulations to the Heads of Sections of the Kuldja District. 1871]. *TsGA RUz* [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan], f. I-1, inv. 27, d. 744, l. 77-90 r.

4. Moiseev V.A. *Rossiya i Kitay v Tsentralnoy Azii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.)* [Russia and China in Central Asia: Second Half of the 19th Century – 1917]. Barnaul, Azbuka Publ., 2003. 345 p.

5. Moiseev S.V. *Vzaimootnosheniya Rossii i uygurskogo gosudarstva Yettishar (1864–1877 gg.)* [Relations Between Russia and the Uyghur State Yettishar (1864–1877)]. Barnaul, Azbuka Publ., 2006. 200 p.

6. Pantusov N.N. *Svedeniya ob upravlenii Kuldzhinskim rayonom za 1871–1876 gody* [Information About the Management of the Kuldja District for 1871–1876]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive], f. 1284, inv. 190, d. 394, l. 1-202.

7. Pantusov N.N. *Svedeniya o Kuldzhinskom rayone za 1871–1877 gody* [Information About Kuldja District for 1871–1877]. Kazan, Universitetskaya tipografiya Publ., 1881. 226 p.

8. Anisimova I.V., Barmin V.A., Bochkareva I.B. et al. *Politika Rossii i Kitaya v Tsentralnoy Azii vo vtoroy polovine XIX – nachale XXI v.* [The Policy of Russia and China in Central Asia in the Second Half of the 19th – Early 21st Century]. Barnaul, Azbuka Publ., 2014. 458 p.

9. Pochekaev R.Yu. *Osobennosti administrativnogo razvitiya Iliyskogo kraya v 1871–1881 gg.: mezhdru traditsiyami i frontirnoy modernizatsiey* [Specific Features of the Ili Region Administrative Development in 1871–1881: Between Traditions and Frontier Modernization]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2016, vol. 46, no. 2, pp. 531-542.

10. Pochekaev R.Yu. *Osobennosti pravovogo polozheniya Iliyskogo kraya v 1760–1860-e gg.* [Specific Features of the Legal Status of the Ili Province Between 1760s and 1860s]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2018, vol. 20, no. 4 (181), pp. 152-166.

11. Pochekaev R.Yu. *Problemy statusa rossiyskikh poddannykh v Kuldzhe posle ee vozvrashcheniya Kitayu (1881 g.)* [Problems of the Russian Subjects Status in Kuldja after Its Restitution to China (1881)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, 2018, vol. 48, no. 2, pp. 126-134.

Information About the Author

Dmitry V. Vasilyev, Doctor Habilitatus in History, Associate Professor, Professor of the Department of the Russian History, Moscow City University, 2-y Selskohoziastvenny proezd, 4, 129226 Moscow, Russian Federation, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Информация об авторе

Дмитрий Валентинович Васильев, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, 129226 г. Москва, Российская Федерация, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>